

что в каждой отдельной научной области и даже для каждого способа понимания среди множества других способов возникает своего рода тайный язык. Но и это еще не все. Извне — из социологии, психологии, из некоторых течений филологии, из современной литературной критики — в филологию проникают нефилологические понятия и методы; каждое такое понятие или метод нуждается — в тех случаях, когда нет возможности с полным правом утверждать их бесполезность для филологических целей, — в существенной переработке для того, чтобы соответствовать этим целям. Тот, кто методически осознанно не ограничивает себя более или менее узкими рамками какой-то конкретной и специальной области научных исследований и, соответственно, не довольствуется вниманием небольшого круга коллег, специализирующихся в той же самой области, с их особым миром понятий, — тот живет в суеде притязаний и впечатлений, справиться с которыми в одиночку практически невозможно. И все же занятия какой-то одной специальной областью оказываются все более неудовлетворительными; тот, кто сегодня хочет быть, так сказать, провинциалом в науке и довольствуется знанием лишь периферийных разделов лингвистики, палеографии или историографии, — тот вряд ли окажется даже хорошим специалистом-провинциалом. С другой стороны, существуют специальные области исследования, которые к настоящему времени настолько дифференцировались, что изучение и освоение их становится делом всей жизни. Таково положение вещей, например, с Данте, изучение которого, правда, едва ли можно назвать отдельной специальностью, поскольку Данте излучает свет во все стороны; или, скажем, трудности с куртуазным романом, в исследовании которого отпочковались три группы проблем — придворная любовь, кельтский материал и Грааль: не сосчитать, сколько людей нужно для того, чтобы освоить во всей полноте материал одной только этой специальной области филологии, со всеми ее разветвлениями и исследовательскими направлениями. О каком же научно-филологическом синтезе мировой литературы можно помышлять в этих условиях?

Сегодня еще существуют отдельные лично значительные ученые, способные единым взглядом охватить всю полноту материала — по крайней мере в пределах Европы; однако, насколько я их знаю, все они принадлежат к поколению, которое сложилось перед мировыми войнами. Трудно будет найти им замену; ведь позднебуржуазная гуманистическая культура, школьной основой которой были латынь, греческий и знание Библии, почти повсеместно потерпела крах. И то же

самое — позволю себе сделать этот вывод на основании моего опыта жизни в Турции — происходит и в других древних культурах. Иначе говоря, все то, что раньше было основной предпосылкой высшего образования в университетах (или — в англосаксонских странах — в *graduate studies*), сегодня приходится осваивать впервые уже на студенческой скамье, и зачастую эти поздно приобретенные знания оказываются недостаточными. Кроме того, само обучение в университетах или *graduate schools* переместило свой центр тяжести: теперь гораздо больше преподаются современная литература и новейшая критика, а из прежних эпох предпочтение отдается таким, которые в последнее время были открыты заново (как барокко, например) и сами стали частью громко заявляющей о себе литературной современности.

Правда, если мы хотим, чтобы история открылась нам в своей подлинной значительности, мы должны охватить и осмыслить ее как целое, исходя из понятий и ситуации именно нашего времени; однако способный студент чувствует дух своего времени и без этого, и ему, как мне кажется, не нужен никакой академический наставник для того, чтобы освоить Рильке, Жида или Йейтса. Но такой наставник, и не один, нужен ему для того, чтобы понять формы языка и условия жизни античности, средневековья или Ренессанса, а также для того, чтобы познакомиться с методами и техническими средствами, разработанными для исследования этих исторических периодов. То, каким образом современная литературная критика ставит проблемы, и те упорядочивающие категории, с помощью которых она видит и проясняет явления литературы, — это всегда выражение велений времени, и оно, это выражение, зачастую несет в себе глубокий и освещающий смысл также и за пределами своего времени. Но лишь немногие из актуальных для данной эпохи проблем и подходов пригодны для непосредственного применения в историко-филологическом исследовании, так же как немногие из них способны заменить традиционные понятия. Категориальный аппарат и приемы, которыми в большинстве своем пользуется современная литературная критика, слишком абстрактны и многозначны, а использование их, наоборот, сплошь и рядом слишком приватно. Поэтому навыки критики еще усиливают искушение, к которому и без того имеют склонность многие начинающие и не только начинающие исследователи; искушение это состоит в том, чтобы путем гипостазирования абстрактно упорядочивающих понятий как бы сразу овладеть всею конкретной полнотою подлежащего материала, что приводит к стиранию предмета к подмене его в дискуссиях по

рый, пожалуй, неподъемен для отдельного исследователя, так что в этом отношении целесообразна коллективная работа; трудность синтетической филологии заключается еще и в самой структуре материала. Традиционные хронологические, географические или морфологические членения целого, сколь бы ни были они необходимы для упорядочения материала, не согласуются, или не вполне согласуются, с энергетическим методом синтетической филологии; области, которые должны быть освоены и осмыслены с помощью таких членений, не сходятся с проблемными полями, охватываемыми этим синтезом. Я стал сомневаться даже в том, могут ли монографии об отдельных значительных индивидуальных авторах, — а мы располагаем множеством таких великолепных монографий, — служить исходным пунктом для синтеза, о котором мы здесь говорим. Правда, индивидуальный образ (Gestalt) в монографических исследованиях всегда представляет собой конкретное жизненное единство, и такая завершенная в своем образе индивидуальность, будучи предметным центром исследования, всегда лучше, чем всевозможные домыслы и умствования, вообще не адекватные предмету; но индивидуальность представляет жизненное единство одновременно и слишком непостижимым, и слишком перегруженным внеисторической неразрешимостью, к которой в итоге сводится индивидуальность.

Среди трудов последних лет, в которых литература рассматривается в историко-синтетической перспективе, несомненно, наиболее впечатляющей является книга Эрнста Роберта Курциуса «Европейская литература и латинское средневековье». Книга эта, как мне кажется, обязана своею удачей тому обстоятельству, что, несмотря на название, исходным пунктом здесь является не что-то всеобъемлющее и универсальное, а, наоборот, четко очерченный конкретный феномен, который может показаться едва ли не частным и ограниченным, а именно: риторическая школьная традиция в ее исторической преемственности. Поэтому труд Курциуса, поднимающий колоссальный материал, в своих наиболее сильных разделах является не нагромождением множества разнородных предметов, но излучением, исходящим от немногого. В самом общем виде предмет книги — живые традиции (das Fortleben) античности на протяжении всего латинского средневековья и воздействие этих традиций, в их средневековых формах, на новоевропейскую литературу. Замысел здесь настолько всеобъемлющий, что практически нет исходного пункта, с которого можно было бы приступить к делу; исследователь, намерение которого не идет дальше изложения такого

безграничного предмета, оказывается перед необозримым множеством самого разнородного материала, который почти невозможно упорядочить; если же пытаться охватить это множество в некоторой искусственно заданной перспективе (к примеру, с точки зрения судьбы наследия отдельного писателя или истории всего литературного процесса, прослеживаемой из века в век на протяжении средневековья), то — в силу одного только объема того, что нужно для этого собрать, — реализация такого замысла оказалась бы под угрозой. Только после нахождения в качестве исходного пункта такого ключевого феномена, который имеет четкие границы и вполне обозрим (а таков именно феномен риторической традиции, в особенности Торои — «общие места»), осуществление замысла стало возможным. Здесь не место обсуждать вопрос, является ли в данном случае выбранный исходный пункт совершенно удовлетворительным, то есть наилучшим из всех возможных с точки зрения данного замысла; как раз тот, кому этот исходный пункт кажется недостаточным по отношению к замыслу, тем более должен испытать восхищение от того, насколько выдающимся тем не менее оказался творческий результат.

Этим результатом мы обязаны методическому принципу, который гласит: для осуществления всякого большого синтетического замысла нужно прежде всего найти некоторый наводящий исходный пункт, заход или подступ (ein Ansatz) — как бы рукоять, которая позволяет ухватиться за предмет. Исходный пункт всего дела позволяет выделить четко очерченный, хорошо обозримый круг феноменов; а интерпретация этих феноменов должна высветить их с такою силою, чтобы вместе с ними раскрылись в своем смысле и внутренней взаимосвязи еще и многие другие феномены, выходящие далеко за пределы того, что было доступно в пределах исходного пункта исследования.

Этот метод давно известен; к примеру, исследователи стиля с давних пор прибегали к нему для того, чтобы описать то или иное стилистическое своеобразие по ряду определенных признаков. И все же мне кажется необходимым выделить и подчеркнуть значение данного метода как единственного, который к настоящему времени позволяет на более широком фоне дать внутренне убедительное синтетическое изображение значительных событий внутренней истории. Этим путем может двигаться также и молодой, даже начинающий исследователь; ведь если с помощью одной только интуиции суметь занять удачную исходную позицию, то это может оказаться достаточным даже в том случае, если культурный гори-

зонт такого исследователя относительно скромнен; советы старших коллег здесь как-то возместят этот недостаток. При разработке темы кругозор ученого должен, понятно, достигать достаточной широты, поскольку выбор привлекаемого материала уже определен исходным пунктом или позицией; это расширение настолько конкретно, а то, что в него входит, настолько необходимым образом связано друг с другом, что уже приобретенный опыт нелегко вновь потерять; а то, что при этом удалось творчески произвести, по своей внутренней структуре обладает единством и универсальностью.

Разумеется, на практике дело не всегда обстоит так, что сначала имеется некоторый общий замысел или общая проблема, а уж затем подыскивается способ их конкретной разработки. Иногда случается, что обнаруживают отдельный исходный феномен, который впервые только и позволяет понять и сформулировать общую проблему, что, конечно, может иметь место только тогда, когда к постановке такой проблемы уже готовы. Очень важно понимать, что общий замысел синтетического характера или общая проблема — это еще далеко не всё. Главное — найти такой конкретный феномен, который имеет четкие границы и который можно описать специальными средствами филологии, — феномен, который делает понятным конкретное осуществление всего замысла. Иногда одного такого исходного феномена или явления бывает недостаточно, их тогда должно быть несколько, но, когда первые из них уже найдены, следующие отыскать легче; к тому же необходимо, чтобы они не механически притягивались друг к другу, а так, чтобы сближение между ними относилось к замыслу. Тем самым речь идет об отборе, но об отборе, который соответствует не общему упорядочиванию материала, а такому, который всякий раз будет так или иначе соответствовать предмету, а потому всякий раз будет обретаться заново.

Подступы (Ansätze) могут быть очень разными, — немислимо перечислить здесь все такие возможности. Отличительная особенность хорошего исходного пункта или подступа состоит, с одной стороны, в его конкретности и точности, а с другой стороны — в заключенной в нем освещающей силе. Такая методическая позиция может, например, опираться на значение какого-то слова, или на риторическую форму, или на синтаксический оборот, или на интерпретацию какого-то высказывания или ряда где-то и когда-то сделанных высказываний; но в любом случае исходный пункт должен осветить другие явления так, чтобы, исходя из него, могла заговорить мировая история.

Допустим, предметом исследования является место писа-

теля в литературе XIX столетия — в такой-то стране или в Европе в целом; исследователь, пытаясь собрать об этом самый полный материал, мог бы создать ценный справочник, за который его можно было бы только поблагодарить, поскольку справочники практически нужная вещь. Но для того, чтобы достичь синтеза, о котором мы размышляем, скорее стоило бы исходить из небольшого числа высказываний о публике совершенно определенных писателей. Точно так же дело обстоит и с такими предметами, как судьбы наследия (la fortuna) поэтов. Фундаментальные труды о судьбах или традициях наследия Данте в разных странах, которыми мы располагаем, конечно, необходимы; но, возможно, получилось бы что-то более интересное, если бы удалось (этой мыслью я обязан Эрвину Панофскому) проследить, каким образом интерпретировались те или иные места «Комедии», скажем, начиная от первых комментаторов вплоть до читателей, живших в XVII веке, — и далее, с эпохи романтизма. Такое исследование было бы в точном смысле слова духовной историей (Geistesgeschichte).

Хороший исходный пункт (Ansatz) должен быть точным и предметным, а для этого не годятся ни категории, относящиеся к целому, ни понятия, относящиеся к частным признакам — такие же абстрактные; здесь не подходят, например, такие слишком общие или обобщенные термины, как «барокко» или «романтизм», ни более специальные, как, скажем, «драма», или «идея судьбы», или «интенсивность», или «миф»; и столь же опасны для дела «понятие времени» или «перспективизм». Слова эти вполне применимы при таком способе изложения, когда из взаимосвязи целого становится понятно, о чем, собственно, говорится в тексте; но в качестве исходного пункта такие общие слова слишком многозначны для того, чтобы передать вполне конкретные и очень определенные вещи. Исходный пункт исследования ни в коем случае не должен быть какой-то всеобщностью — тем, что извне навязывается предмету; исходный пункт должен вырастать из самого предмета, в качестве составной его части. Сами вещи должны заговорить; но этого никогда не достичь, если исходный пункт исследования не имеет четких и конкретных границ. Вообще требуется много искусства для того, чтобы, имея даже наилучший исходный пункт, всегда оставаться лицом к лицу с самим предметом. Интерпретатора на каждом шагу подстерегают сложившиеся, готовые, но редко единственно адекватные понятия; иногда такие понятия бывают соблазнительны в силу того, что они на слуху и считаются модными: они всегда готовы оказать свое вредоносное воздействие, стоит только

интерпретатору начать терять живое ощущение предмета. Соблазн, которому иногда подвержен даже пишущий и уж тем более подвержены многие читатели, состоит в том, что вместо сути дела подставляют какое-нибудь общепонятное клише; ведь слишком много читателей вообще склонны к таким подменам, и необходимо сделать все для того, чтобы лишить их всякой возможности подменить или упустить из виду существо того, о чем на самом деле идет речь. Феномены, которыми занимается филолог, стремящийся к синтезу, имеют свою предметность в себе же самих; и настоящая трудность заключается в том, чтобы попытка синтеза не привела к потере этой самой предметности. Правда, целью синтетической филологии является не что-то отдельное, какую бы радость ни приносило оно исследователю само по себе; нет, подлинная цель здесь — воспринять и передать как раз движение целого; но увидеть это движение как таковое можно лишь постольку, поскольку поняты составные части его.

В пределах западноевропейской культуры, насколько мне известно, мы не найдем попыток синтетической филологии мировой литературы, а найдем лишь отдельные подступы (*Ansätze*) к ней. Но по мере того, как Земля становится единым для всех пространством, все большее распространение должна будет получить деятельность, ориентированная на синтез и перспективизм. Великая задача — способствовать тому, чтобы люди в своей собственной истории осознали самих себя; можно усомниться и отказаться от выполнения этой задачи, если вспомнить, что ведь мы пребываем не только на Земле, но еще и в мире, в универсуме. Но то, на что могли претендовать прежние эпохи, а именно: определять место человека во вселенной, — для нас теперь едва ли доступно.

Как бы там ни было, наша филологическая родина — это Земля; ею больше не может быть нация. Конечно, в высшей степени ценным и необходимым достоянием филолога еще являются язык и культура его народа; однако они становятся действительными только тогда, когда удастся изъять их из оболочности и преодолеть их самодовление. Мы должны, в силу изменившихся обстоятельств, вновь обратиться к тому, чем уже обладала до-национальная средневековая культура, — к осознанию того, что дух не имеет национальности. *Paupertas et terra aliena*³ — так примерно читаем об этом у Бернарда Шартрского, Иоанна Солсберийского, Жана де Мена и многих других. *Magnum virtutis principium est*, — пишет Гуго Сен-Виктор (*Didascalicon* III, 20), — *ut discat paulatim exercitatus*

³ Бедность и чужая земля (лат.).

*animus visibilia haec et transitoria prius commutare, ut postmodum possit etiam derelinquere. Delicatus ille est adhuc cui patria dulcis est, fortis autem cui omne solum patria est, perfectus vero cui mundus totus exilium est...*⁴ Гуго, говоря это, имел в виду такого человека, цель которого — освободиться от любви к миру. Но и для того, кто желает обрести правую любовь к миру, в словах этих предначертан достойный путь.

Перевод с немецкого Ю. ИВАНОВОЙ,
П. ЛЕЩЕНКО и А. ЛЫЗЛОВА.

⁴ «Великое начало добродетели — когда мало-помалу упражняемый дух постигнет сначала переменчивости видимых и преходящих вещей, чтобы потом решиться отринуть их вовсе. Изнежен тот, кому мила его родина, мужествен тот, кому всё — родина, совершенен же тот, кому весь мир — чужбина» (лат.).